

разговора с Шамановым десантники не могли не заметить: командир изменился в лице и вопреки обыкновению приказал загнать патрон в патронник — еще до боя.

Колонна общей численностью около 100 человек двинулась к 41-му блокпосту. Драма развивалась по законам жанра. Здесь судьбу десантников стала определять не тактика, а пресловутое «если бы». Если бы экипаж инженерной машины разграждения 245-го мотострелкового полка, расчистивший завал на дороге, дошел бы до 41-го блокпоста, уже занятого боевиками, засады удалось бы избежать. И если бы не произошла утечка информации или, хуже того, предательство, как выяснится потом. Колонну ждали. С 41-го блокпоста, с расстояния 200 метров, по ней открыли шквальный огонь. Самое губительное на горной дороге — огневой мешок, в который и попали новороссийские десантники.

ЧАСЫ ПОКАЗАЛИ 14.30

Рассказывает участник боя майор запаса Алексей Мирзатов, в ту пору лейтенант: «Я был дозорным на головной машине БМД-2. Километра за три до того места, где мы попали в засаду, майор Родионов поменял меня со старшим лейтенантом Виктором Гныпом. Наш командир разведроты до этого шел в замыкании. В ходе предстоящего боя мог потребоваться его опыт альпиниста, чтобы обойти «духов» по скалам.

После того как миновали место расчистки завалов, мы спешили и пошли за бронетехникой. С 41-го блокпоста по нам открыли шквальный огонь. Были подбиты командно-штабная машина и трофейная БМП-1. Помню, я бросил взгляд на часы, которые показывали 14.30.

Гнып находился метрах в 100–150 от меня, Евгений — метрах в 25. Поднимаю глаза от часов, в это мгновение граната РПГ-7 попадает в правое плечо майора Родионова. Погибают он и рядовой Виктор Щипакин, бежавший рядом с офицером.

Рядом с головным БМД-2 ранили в позвоночник моего пулеметчика Александра Анискина. Виктор Гнып снял с себя шлемофон, кинул его наводчику, чтобы тот выходил в эфире на нас. А сам, раненный в голову, попытался вытащить Анискина, но был убит снайпером.

Мы оказались в огневом мешке. Слева — скалы, справа — крутой обрыв. В 100 метрах внизу — река, на другом берегу которой засели снайперы в «корзинах». «Духи» отрезали нас от ульяновцев. Те спешили с бронетехники и хотели ударить боевикам во фланг, но это не получилось. Мы продолжали отстреливаться и нанесли, как потом выяснится, немалый урон противнику.

В первые минуты боя мы понесли потери: четверо убиты, десять бойцов ранены. После гибели Родионова и Гныпа я остался один из офицеров, поэтому принял командование на себя.

Ульяновцы пробились к нам через два часа. Капитан Григорьев высказал мнение о невыполнимости задачи, предложил отходить. Я ответил, что не тронусь с места, пока не заберу убитых и раненых. Попросил у него зенитную установку, чтобы под ее огневым прикрытием пробиться к головной БМД. Но механик-водитель после того, как был обстрелян, рванул назад.

По нам дали залп из гранатометов. Одна из гранат разорвалась недалеко от меня. После контузии и потери сознания меня стащили с дороги. Когда пришел в чувство, стал пробираться по скату дороги к нашей технике. Боковым зрением в темноте увидел лежащего